

должен, как полагали ещё античные мыслители, не слепо руководствоваться неким «здравотворческим знанием», но, наоборот, «само это знание должно разворачиваться исходя из того, *ради чего* оно нами собственно достигается (курсив наш – Д.Н.)» [4, с. 42].

Считаем, что государственно-общественной системе образования стран, желающих осуществить постиндустриальный транзит (Россия и Беларусь здесь не исключение), следует сделать вполне определённый выбор в пользу антично-возрожденческой здравотворческой парадигмы, восходящей к идеалу калокагии. Во-первых, данный выбор позволит сформировать субъекта постиндустриальной трансформации – автономную личность, свободно творящую себя в соответствии с *возвышающим* её идеалом. И, во-вторых, он создаст возможность получить не «частичного человека» (К. Маркс), не «искусственного человека» (Э. Мунье) – «специалиста» в той или иной области знания или социальной практики, – а индивида, *свободно и осознанно избирающего* траекторию собственного развития. В данном случае здоровье индивида станет не просто биологическим залогом его социального успеха, но выступит в качестве природного потенциала личностного самостроительства.

Таким образом, фокусирование здравотворчества на античный идеал калокагии окажется одним из средств избежать рисков, возникающих перед каждой социокультурной общностью, вступающей на стадию постиндустриализма: опасностью получить вместо homo sapiens'a совсем иную природную субстанцию – индивида, деградировавшего и духовно, и физически, тратящего свою жизнь на удовлетворение биологических потребностей.

Литература и источник

1. Новиков, Д.С. Идеал калокагии в контексте современной здравотворческой педагогической стратегии // Известия Волгогр. гос. пед. ун-та. Сер: педагогические науки. – 2014. – № 1(86). – С. 103–105.
2. Лосев, А.Ф. История античной эстетики. – Т.2.– М., 1969.
3. Андреев, Ю.В. Цена гармонии и свободы: несколько штрихов к портрету греческой цивилизации. – СПб, 1998.
4. Разеев, Д.Н. Идеалы образовательных стратегий в герменевтической перспективе // Коммуникация и образование: сб.ст. / под ред. С.И. Дудника. – СПб, 2004.

ПРОБЛЕМА ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЕЖИ ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИХ СТРАН В УСЛОВИЯХ КРОСС-КУЛЬТУРНЫХ КОНТАКТОВ ЭПОХИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Новиков С. Г., Волгоград, Россия

Выход в «открытый мир», осуществляемый ныне Россией, Беларусью, другими постсоветскими восточноевропейскими государствами, представляет двоякий риск для культурной идентичности общностей, их

создавших. С одной стороны, падение «железного занавеса» создаёт опасность того, что этнокультурные целостности, сложившиеся на просторах Восточно-Европейской равнины, растворятся в культуре стран ядра мир-системы. А с другой, отказ от автаркии делает возможным нашествие «новых варваров» – носителей культуры, нетерпимой к инакомыслию, инаковерию, жёстко разделяющих людей на «своих» и «чужих».

Поясним данную мысль. Во-первых, та форма глобализации, которая реализуется сегодня, приводит не просто к сегрегации территории планеты на зону перепотребления и гетто нищеты [1, с. 323–328], но и к превращению Восточной Европы в «культурную провинцию» нового *Rex Romana*. Причём в такую провинция, которая может оказаться в роли культурного *slam land*'а, места, где элита, нарядившись в «ново-римское платье», будет наслаждаться плодами цивилизации, а основная масса населения станет жевать духовную жвачку. Во-вторых, лёгкая проницаемость границ, «съёживаемость» современного мира делает вероятным культурное поглощение восточноевропейской части Севера пришельцами с Юга. А это приведёт к неизбежной архаизации культурных пространств Восточной Европы – к процессу, не менее разрушительному для цивилизации, чем некогда случившееся «великое переселение народов».

Не допустить развития подобного сценария событий способны не спецназ или военно-космические силы стран постсоветской Восточной Европы, а их культурная и образовательная политика. Её целью должно стать не формирование «человека экономического» и не пестование носителей идеи собственной уникальности путём повторения в школах и вузах мантры об «особом пути», а выращивание *homo creator*'а («человека творческого»). Данное целеполагание не просто позволит индивиду культивировать у себя подлинно человеческие потребности, понимание священности жизни и всего, что «способствует её расцвету» [2]. Оно сделает возможным появление, как социального типа, личности, для которой станут свойственны «стремление заглянуть и шагнуть за горизонт, тяга к познанию, способность к умному действию» [3, с. 12]. Именно *такой* социальный субъект способен противостоять и угрозе полупринудительной культурной унификации, и опасности вытеснения культуры цивилизации культурой неоварварства (см. об этом: [4, с. 255–304]).

Иными словами, «на выходе» государственно-общественной системы образования необходимо получить не «социозверька» (С.Е. Кургинян), не «хомо шкурника» (А.И. Фурсов), а личность, стремящуюся к *возвышению* над собой природным, движимую мотивами *самосовершенствования*, то есть мотивами *постматериалистическими* (см. об этом: [4]).

Эти мотивы, разумеется, не могут сформироваться стихийно, но должны сознательно и настойчиво *воспитываться* у подрастающих поколений. Как это ни странно звучит, но особенно важно осуществить решение данной задачи при организации воспитательного процесса среди отнюдь не элитарных слоёв населения. Ведь представители последних, не знающие проблем «куска хлеба» и «крыши над головой», априори имеют

возможность обратить свои устремления к *надматериальным* ценностям. Люди же, вынужденные с детства бороться за «место под солнцем» и привыкшие ассоциировать успех с материальным богатством, часто не могут сойти с этой «наезженной жизненной колеи». В такой ситуации массовая школа делается тем инструментом, который способен наставить юношей и девушек на «новый путь» – тот, на котором господствуют не материальная выгода и установка на потребление (см. об этом: [5]), а принцип, прекрасно сформулированный героем братьев Стругацких: «счастье для всех, даром, и пусть никто не уйдёт обиженный!».

Рискнём утверждать, что фокусом воспитательной деятельности в странах Восточной Европы в условиях кросс-культурных контактов должен стать не антропоцентристский идеал западной цивилизации и не социоцентризм Востока, а исторически сложившийся у восточноевропейских народов *дуалистический* нравственный идеал. Ведь он не просто признаёт самоцельной и самоценной свободную самодеятельность личности, но и нацеливает последнюю на служение развитию общества в целом (см. об этом: [8, с. 91–94, 877–887]).

Имплантиция же сегодня в культурное ядро России, Беларуси или Украины антропоцентристского идеала Запада приведёт к появлению и репродукции здесь в *массовом порядке* «*homo economicus*’а» – личности, у которой инициативность и ответственность, стремление избавиться от упования на «авось» и «небось», на «доброе государство» будут сочетаться с восприятием всякого, не приносящего прибыли, если не в качестве бездельника, то в лучшем случае в качестве слуги («подобно лакею и официанту) на службе у того, кто способен его содержать за свой собственный счет» [8]. В свою очередь имплантиция восточного социоцентризма неизбежно породит в Восточной Европе личность, апроприированную коллективом, готовую раствориться в «Мы», ощущающую себя песчинкой в океане песка. И первый, и второй вышеназванные варианты социокультурной эволюции означают уже не риск, а реальную перспективу оказаться на обочине Истории, не говоря уже об утрате восточноевропейскими социокультурными общностями своей инаковости.

Отсюда следует, как минимум, три вывода. Во-первых, ни в коем случае нельзя в условиях кросс-культурных контактов современности идти на «культурную капитуляцию». Во-вторых, государственно-общественной системе воспитания следует сфокусировать свою деятельность на осуществление дуалистического идеала, материализующегося в субъекте, стремящемся к проявлению всех заложенных в нём способностей, готовом к свободному выбору и способном соединять собственные усилия с другими людьми, признаваемыми равными ему по своим правам и возможностям. В-третьих, не *homo economicus*’а и не «человека-винтика» следует формировать в образовательном пространстве Восточной Европы, но *homo creator*’а – личность, влекомую по жизни *внутренним* мотивом самостроительства, а не внешней экономической необходимостью.

Литература и источники

1. Бузгалин, А.В. Мы пойдём другим путём! От «капитализма Юрского периода» к России будущего / А.В. Бузгалин. А.И. Колганов. – М., 2009.
2. Фромм, Э. Иметь или быть // Фромм Э. Величие и ограниченность теории Фрейда. – М., 2000.
3. Неклесса, А.И. Знать – значит быть. Образование как развитие // Метафизика. – 2014. – № 4 (14).
4. Фурсов, А.И. Мир, который мы покидаем, мир, в который мы вступаем, и мир между ними. Капитал(изм) и Модерн – схватка скелетов над пропастью? // De futuro, или История будущего. – М., 2008.
5. Иноземцев, В.Л. Наука, личность и общество в постиндустриальной действительности // Российский химический журнал. – 1999. – Том XLIII. – №6.
6. Фромм, Э. Марксова концепция человека [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://scepsis.ru/library/id_642.html.
7. Кантор, К.М. Двойная спираль истории: Историческая философия проективизма. – Т.1. Общие проблемы. – М., 2002.
8. Межуев, В. Свобода как ценность [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.alternativy.ru/ru/node/1153>.

НОВАЯ ПАРАДИГМА ОБРАЗОВАНИЯ XXI ВЕКА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Пономарев А. С., Заветный С. А., Пазынич С. Н. (Харьков, Украина)

Сегодня общепризнано, что мировая система образования переживает глубокий системный кризис. Его успешное преодоление возможно лишь при условии разработки и внедрения принципиально новой парадигмы образования. Считаем необходимым определиться прежде всего с сущностью кризиса, его причинами и характерными проявлениями. Даже поверхностного анализа достаточно, чтобы убедиться, что основной причиной кризиса и характерными его проявлениями выступает то обстоятельство, что традиционные содержание и характер образования и даже его цели перестали отвечать принципиально новым реалиям.

Подобные кризисы уже возникали в процессе развития образования. Они обычно происходили после кардинальных изменений, определявших появление нового этапа в истории человеческой цивилизации и были характерны новыми общественными требованиями к образованию, обусловленными потребностями жизненной практики. Они порождали кризис образования, а его преодоление приходило через осмысление и разработку новой парадигмы, которая сходилась из переориентации образования на новые цели.

Естественно, говорить о кардинальных изменениях можно только очень условно. Социальные процессы непрерывны, их параметров меняются постепенно, и при накоплении некоторой «критической массы» изменений происходит скачок. Однако в действительности корни этого скачка